

Национальный архив Республики Беларусь МБФ
«Возрождение - Старт»

**УРОКИ ХОЛОКОСТА: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Выпуск второй

ДЕЛО МАШИ БРУСКИНОЙ

Минск «Ковчег» 2009

УДК 821.161.3-3

ББК 84(4Бел)

У68

Рецензенты:

Д-р Леонид Смиловицкий (Иерусалим)
Кандидат исторических наук Кузьма Козак

Уроки Холокоста: история и современность. Дело Маши Брускиной.
У68 Антология. / Сост. В.Д.Селеменев, Я.З.Басин. – Минск : Ковчег, 2009. – 220 с.

ISBN 978-985-6756-99-6

Данная антология представляет собрание статей, документов и свидетельских показаний по идентификации личности девушки, казненной в Минске 26 октября 1941 г. у ворот Дрожжевого завода вместе с другими двумя участниками подпольной антифашистской организации Кириллом Трусом и Владимиром Щербацевичем. Борьба за установление личности казненной патриотки шла на протяжении сорока лет. Сборник – первая попытка собрать все доступные материалы по данной проблеме.

Сборник рассчитан на историков, краеведов и всех интересующихся историей антинацистского сопротивления в Минске.

УДК 821.161.3-3

ББК 84(4Бел)

ISBN 978-985-6756-99-6

© Национальный архив Республики Беларусь, 2009
© МВФ «Возрождение – Старт», 2009
© Оформление. ООО «Ковчег», 2009

Эммануил ИОФФЕ,
профессор, доктор исторических наук

ПОДВИГ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в приветствии правительству и народу Государства Израиль по случаю 60-летия провозглашения его независимости назвал имена белорусских евреев, которые проявили мужество и героизм в борьбе с германским нацизмом. Среди них имя ученицы одной из минских школ Маши Брускиной.

Чем же прославилась в годы оккупации Минска гитлеровскими захватчиками эта хрупкая девушка из обычной еврейской семьи?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует воспроизвести отдельные события того времени. Рабочий Кирилл Иванович Трус (Трусков) и культработник третьей минской больницы Ольга Федоровна Щербацевич в августе 1941 года организовали подпольную группу по спасению командиров Красной армии и раненых военнопленных. В группу входил и сын Ольги Щербацевич — 16-летний Владлен (Владимир). Спасая из плена раненых командиров Красной армии, члены группы также передавали в лазарет для военнопленных бланки паспортов, адреса конспиративных квартир. Офицеров, которые вышли из лазарета, прятали, кормили, обеспечивали гражданской одеждой и переправляли к партизанам или через линию фронта. Некоторые оставались на подпольной работе в городе. На квартире Ольги Щербацевич хранились оружие, боеприпасы, медикаменты. Активным помощником руководителей подпольной группы стала и 17-летняя Маша Брускина.

Только за июль—август 1941 года группа Труса—Щербацевич вывела из больницы 48 человек. Однако 14 октября она была разоблачена гитлеровцами, после жестоких пыток патриотов казнили. Их тела повесили на улицах и площадях Минска. Была повешена и юная подпольщица Мария Брускина.

Фотоснимки, на которых казнят трех подпольщиков, обошли весь мир, включены в школьные учебники истории, не говоря уже о том, что они экспонируются во многих музеях. На одном из снимков запечатлен момент трагической гибели Марии Брускиной. Надо заметить, что в послевоенные годы было немало сомнений и кривотолков относительно личности казненной девушки. Однако архивный документ под названием «Подтверждение» — убедительное доказательство того, что на трофейных снимках среди казненных подпольщиков и Мария Брускина.

Вот его текст: «Я, Трусова Александра Владимировна, подтверждаю, что на фотографии, где перед казнью изображен мой муж Трусков Кирилл Иванович, есть на фото также девушка с фанерным щитом и рядом подросток. Мне известно, что девушка часто бывала у нас на квартире, приносила шрифт и какой-то сверток. Предполагаю, что одежду. Муж называл ее Марией. Муж инструктировал ее, где и как прятать оружие. Трусова А.В. 3.1.1968 г.»

В беседе с автором этих строк в марте 1992 года одноклассница Маши Брускиной бывшая узница гетто и партизанка бригады имени К. К. Рокоссовского Елена Григорьевна Шварцман (Элькинд) сообщила:

«Я сама родом из Минска. Со второго по седьмой училась в одном классе и дружила с Машей Брускиной. Мы были отличницами. Жили мы тоже недалеко одна от одной. Затем Маша с матерью поменяли квартиру на Сторожевку, и она перешла учиться в 28-ю школу.

Вновь я встретилась с Машей, когда в Минск вошли немцы (в июле 1941 года). Она была одета в кожанку, и волосы были покрашены в светлый цвет, скорее всего, в целях конспирации, чтобы не жить в гетто. Надо полагать, что она жила по чужому паспорту. Иначе ведь нельзя было жить за пределами гетто. Не помню, о чем мы разговаривали, но я заметила, что она со мной говорит осторожно, не открыто, как когда-то. Возможно, она что-то скрывала, может быть, свое участие в подполье.

Однажды осенью 1941 года мой отец пришел с работы очень расстроенный и сказал моей матери: «Хайке! Маше гинт!» Что на идиш означало: «Хайка! Маша висит (повешена)». А мама ему ответила: «Тише, тише, чтобы Лена не слышала». Я слышала, но им ничего не сказала. Мама боялась, чтобы это не повлияло на мою психику.

Не помню, как я нашла адрес матери Маши, которая жила как будто на улице Замковой в гетто. Скорее всего, этот адрес мне дала моя учительница по грамматике из учительских курсов Шмерлинг. Я нашла этот дом. Когда я открыла дверь, Машина мать стояла перед зеркалом (зеркального шкафа) и кружилась, махая руками, как будто танцевала.

Когда я это увидела, то очень испугалась, понимая, что она сошла с ума. Я убежала и больше никому об этом ничего не рассказывала.

Сколько лет прошло, а это мне запомнилось на всю жизнь.

Сразу после войны, когда мы жили по улице Комсомольской, мы пошли в кинотеатр «Победа». Перед фильмом показывали кинохронику. И вот я увидела такой кадр. Открываются ворота, и ведут трех человек на казнь под охраной немцев и собак. Я сразу же обратила внимание на девушку в центре и узнала в ней свою подругу Машу Брускину. Я сказала тогда своему мужу: «Мишенька, смотри. Вот подругу мою ведут!»

Вот еще один документ из Национального архива Республики Беларусь, свидетельства Давидович Софьи Андреевны, члена КПСС с 1929 года:

«Я узнала ее и на фотографиях, хранящихся в Музее истории Великой Отечественной войны. Знала ее хорошо и в жизни, работая с ее матерью Лицей Моисеевной Брускиной в Управлении книго-торговли Госиздата Белоруссии с 1937 г. до начала войны, часто видела ее в оккупированном Минске, вплоть до ареста. Кроме того, видела ее на виселице на следующий день после казни, 27 октября 1941 г., на улице Ворошилова (ныне Октябрьской). Она была в форменном школьном платье, зеленой шерстяной кофточке и белых носках. Эти вещи по ее просьбе передала ей в тюрьму мать за два дня до казни в моем присутствии. Мать погибла в гетто».

После ареста Маша находилась в известной тюрьме по ул. Володарского, а 26 октября 1941 года она была повешена на арке дрожжепечного завода по ул. Ворошилова. В послевоенное время всезнающая тогда еще живых свидетелей письменно подтвердили, что несчастная девушка с петлей на шее — юная минчанка Маша Брускина.

Перед нами заключение экспертизы, проведенной криминалистом Главного управления уголовного розыска УВД г. Москвы подполковником милиции Шакуром Гареевичем Кунафиным:

«Были изучены письменные и устные свидетельские показания (на магнитной пленке) людей, знавших М. Брускину: соучеников, соседей по дому, близких родственников, отца, а также жены и дочери Кирилла Труса, казненного вместе с девушкой. Подлинность этих показаний и достоверность описываемых ими фактов не вызывает сомнений».

Через десятилетия после войны ЦК Компартии Беларуси поручил Институту истории партии при ЦК КПБ разобраться в этом деле и высказать свое мнение.

В Национальном архиве Беларуси хранится сообщение заведующего сектором партархива Института истории партии при ЦК КПБ В. Давыдовой на имя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Белоруссии Кузьмина А. Т. от 29 ноября 1968 года.

В нем говорится:

«Сообщаем, что 12 июня 1968 года в партийный архив из редакции газеты «Вечерний Минск» поступило письмо и отзывы, собранные редакцией после опубликования в газете фотографии группы участников минского подполья, которых ведут фашисты на казнь 26 октября, и статья к ней «Они не стали на колени».

Эта фотография многократно публиковалась ранее в союзных и республиканских изданиях, на протяжении многих лет экспонируется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. При публикации этого снимка в газете было высказано предположение о том, что в группе людей, конвоируемых на казнь, была Маша Брускина. В некоторых авторы утверждают, что на снимке они опознали М. Брускину. Однако никаких сведений о подпольной деятельности М. Брускиной в июле—августе 1941 года в Минске в письмах и отзывах не приводится.

В письмах имеется много противоречий, необоснованных утверждений, что не дает оснований принять их как достоверные документальные источники.

Несмотря на то, что в партархиве имеется достаточно сведений о деятельности подпольной группы К. И. Труса и О. Ф. Щербацевича, участники которой казнены 26 октября 1941 года, никаких данных (ни прямых, ни косвенных) об участии в подполье М. Брускиной не имеется».

Таким образом, Институт истории партии при ЦК КПБ, а за ним и ЦК КПБ полностью проигнорировали показания 18 свидетелей, опознавших на фотографиях ранее неизвестную героиню Машу Брускину.

Более чем через полвека после разгрома фашистской Германии Гамбургский институт социологии организовал передвижную выставку «Уничтожающая война. Преступления вермахта с 1941-го по 1944 год». В апреле 1997 года эта выставка экспонировалась в муниципалитете Мюнхена. Среди 80 тысяч горожан, посетивших выставку, была и журналистка Бригита Мелер. Неожиданно ее взгляд приковала фотография казни, снятая в Минске 26 октября 1941 года. На ней был запечатлен момент, когда немецкий офицер набрасывает петлю на шею молоденькой девушке. Дрожь прошла по телу Бригиты Мелер: в стоящем рядом с палачом немецком офицере она узнала своего отца — Карла Шейдеманна. Он погиб в 1943 году, участвуя в операции по уничтожению жителей одной из подожженных оккупантами белорусских деревень. Во время войны Бригита была маленькой. Но сохранились фотографии отца в офицерской форме, благодаря которым она узнала его и на этом зловещем снимке.

И вот в германской газете «Зюддойче Цайтунг» 5 апреля 1997 года была опубликована статья Бригиты Мелер «Мой отец — военный преступник». Так через пятьдесят шесть лет трагедия

17 летней еврейской девушки из Минска Маши Брускиной бумерангом вернулась к дочери немецкого палача Карла Шейдеманна.

И все же в новые для Беларуси времена при поддержке главы государства А. Г. Лукашенко в затянувшейся истории подвига Маши Брускиной точки над «i» были расставлены, что и позволило восторжествовать справедливости.

В целях увековечения памяти участницы минского антифашистского подполья Марии Борисовны Брускиной Минский городской исполнительный комитет 29 февраля 2008 года внес изменения в текст мемориальной доски, установленной на доме № 14 по ул. Октябрьской, и изложил его в следующей редакции:

«Здесь 26 октября 1941 года фашисты казнили советских патриотов К.И. Труса, В.И. Щербацевича и М.Б. Брускину».

P.S. Комитет архитектуры и градостроительства Мингорисполкома изготовил новый текст мемориальной доски, а Минское ОАО «Дрожжевой комбинат» приняло ее в хозяйственное ведение.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ